

Цориева Инга Тотразовна

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В. (НА МАТЕРИАЛАХ ДАГЕСТАНА, КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

В статье представлена история изучения интеллигенции национальных республик Северного Кавказа во второй половине XX – начале XXI в. Отмечается разность подходов к пониманию проблемы в советский и постсоветский периоды. Формулируется вывод о расширении тематики конкретно-исторических исследований, выделяются проблемные аспекты, в частности вопросы эволюции и социокультурной идентификации национальной интеллигенции, динамики ее взаимоотношений с властью, требующие историографического осмысления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.85(470.62/67)

Исторические науки и археология

В статье представлена история изучения интеллигенции национальных республик Северного Кавказа во второй половине XX – начале XXI в. Отмечается разность подходов к пониманию проблемы в советский и постсоветский периоды. Формулируется вывод о расширении тематики конкретно-исторических исследований, выделяются проблемные аспекты, в частности вопросы эволюции и социокультурной идентификации национальной интеллигенции, динамики ее взаимоотношений с властью, требующие историографического осмысления.

Ключевые слова и фразы: историография интеллигенции; отечественная историография; региональная историография; советская интеллигенция; национальные кадры интеллигенции; Северный Кавказ.

Цориева Инга Тотразовна, к.и.н., доцент

*Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства РСО – Алания
tsorin@mail.ru*

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ДАГЕСТАНА, КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)[©]**

История российской интеллигенции является одной из наиболее разработанных тем в отечественной историографии. Тем не менее интерес к ней со временем не угасает, но становится еще более пристальным. Актуальность постановки проблемы обусловлена ролью, которую интеллигенция играет в постоянно усложняющемся мире, и уровнем разработанности проблемы, в том числе ее регионально-национальных компонентов, одним из которых является северокавказская интеллигенция. Внимание к теме сегодня растет также в связи с тем, что она тесно переплетается с проблемой переосмысления содержания и результатов советской культурной модернизации в национальных регионах. В частности, в кавказоведении вновь актуализируется проблема культурной революции, ставится вопрос о ее сущности и последствиях для национально-этнических культур [10; 25].

Как известно, начало активному изучению истории интеллигенции было положено в период «оттепели». В 1960-1980-е гг. в отечественной историографии был накоплен огромный фактический материал, проделана значительная источниковедческая и историографическая работа, появились обобщающие исследования по теме [14; 17; 20; 32; 36]. В этот период в общественной мысли складывается мнение о том, что советская интеллигенция по социальным характеристикам превосходит дореволюционную. В качестве доказательства приводили имевшие место невиданный рост числа людей с высшим образованием, создание национальных и социально-профессиональных отрядов интеллигенции, высокие нравственные и этические качества многих ее представителей, самоотверженный подвижнический труд на благо общества.

В северокавказской историографии история советской интеллигенции также занимала немаловажное место. В работах С. Т. Дедегкаева, А. И. Гасановой, Г. Ш. Каймаразова, А. К. Хачирова, А. К. Эфендиева отмечались особенности становления и развития социалистической интеллигенции в национальных автономиях Северного Кавказа, анализировались социальные источники, прослеживались пути и способы формирования национальных кадров интеллигенции [9; 12; 23; 33; 37].

Но в целом в 1950-е – 1980-е гг. исследовательское поле проблемы было ограничено рамками традиционного для советской историографии подхода к определению интеллигенции как социальной прослойки, состоящей из лиц, профессионально занятых умственным трудом, не имеющих собственного мировоззрения и выражающих интересы тех или иных классов. Обычно исследование проблемы сужалось до рассмотрения вопросов подготовки профессиональных кадров специалистов, выяснения и оценки количественных и структурных изменений в составе национальной интеллигенции. Проблемы преемственности, вовлечения представителей старой интеллигенции в процесс социалистического переустройства общества анализировались тенденциозно, с классовых позиций. Не рассматривались вопросы взаимоотношений Советской власти и интеллигенции, влияния идейно-политических факторов на реализацию творческого потенциала интеллигентов, замалчивалась история инакомыслящей части интеллигенции, а также тех, кто оказался в эмиграции.

Между тем с началом перестройки проблема интеллигенции, ее самоидентификации, история взаимоотношений с властью превратились в одну из центральных тем отечественного обществоведения. В рамках нового научного направления – интеллигентоведения активно обсуждались вопросы о сущностных характеристиках и отличительных чертах этой социальной страны, о роли, которую она играла в духовном развитии общества [18; 28]. Особый общественный резонанс получила дискуссия об определении понятия «интеллигенция». Существует много подходов к пониманию проблемы. В данной статье не ставится задача рассмотреть все эти подходы. Однако отметим, что в обществоведении все больше доминирует мнение о том, что ни один из них не дает универсального определения интеллигенции, которое бы учитывало все вневременные нравственные и профессионально-исторические характеристики этого сложного явления. Выход видится в

междисциплинарном подходе, который позволяет учесть и объединить сильные стороны имеющихся в этом направлении позиций и наработок [6, с. 30-40; 15, с. 20-27].

Сегодня многими признается, что наиболее продуктивно в этом направлении работает школа профессора В. С. Меметова, сформировавшаяся в Ивановском государственном университете [26]. Одним из ее представителей является О. Ю. Олейник. По его мнению, «интеллигенция должна определяться как по социально-профессиональным чертам и свойствам (т.е. по внешним формальным признакам), так и по духовно-интеллектуальным (т.е. по сущностным качествам)». «Это особая социокультурная общность, – отмечает автор, – профессионально выполняющая функции субъекта духовной жизни и духовного производства, что и составляет ее сущностный критерий» [27, с. 53].

Исходя из такого понимания интеллигенции, Г. А. Будник дает свое определение советской интеллигенции середины 1940-х – 1980-х гг. «Это многонациональная и демократическая по своему составу социокультурная общность, представители которой были заняты основанным на принципах нравственности и гуманизма сложным умственным трудом». При этом автор подчеркивает, что советская интеллигенция «в большинстве своем искренне разделяла социалистические идеалы и активно сотрудничала, несмотря на многие неосуществленные надежды, с политическим режимом, являясь в то же время источником явной и тайной оппозиции» [6, с. 40].

Предложенное видение советской интеллигенции в целом представляется вполне конструктивным. Вместе с тем нельзя не отметить свойственную авторскому взгляду некоторую идеализацию объекта исследования. Ведь не все представители интеллигенции, довольно плодотворно работавшие в своей сфере, руководствовались в творческой деятельности высокими нравственными идеалами. По-разному воспринимались ими и «общественное благо», и «интересы народа». Подтверждением этому может стать разность гражданских позиций отдельных категорий интеллигенции в период распада советской системы. Следовательно, интеллигенция являлась не только «источником», но и активным носителем оппозиционности к власти, особенно в конце 1980-х гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. наряду с разработкой теоретических основ проблемы осуществляются конкретно-исторические исследования. В отмеченные годы на новый уровень научного осмысления выходит история региональных и профессиональных категорий советской интеллигенции. Предметом специального исследования становится история взаимоотношений советской интеллигенции с властью в послевоенный период. Одной из первых работ в этом направлении в российской историографии явилась монография М. Р. Зезиной. Автор систематизировала материал о функционировании сложной бюрократической системы руководства культурой в позднесталинское и хрущевское время. Она проследила изменения в культурной политике государства, рассмотрела технологию переноса центра тяжести с традиционной для сталинской эпохи политики подавления и репрессий в отношении интеллигенции на политику мягкого контроля над творчеством, где цензура сочеталась с усилением самоконтроля внутри творческих союзов. В работе была проанализирована тема сотрудничества политической и художественной элит. Отдельно показаны области взаимного интереса, когда, с одной стороны, власть использовала интеллигенцию для укрепления политического режима, а с другой, – те или иные группы интеллигенции использовали ресурсы власти для достижения определенных корпоративных целей [15].

Несколько в ином ракурсе, с точки зрения общественного и нравственного предназначения интеллигенции, рассмотрел эту проблему А. Д. Бородай. Для него понятие «интеллигенция» – исключительно русского происхождения. Феноменальность ее, по мнению автора, в том, что на протяжении полутора веков она, выступая в качестве прослойки между властью и народом, играла важную социально-преобразующую роль. Власть всегда пыталась использовать интеллигенцию с целью политического влияния на народ. В свою очередь, интеллигенция, осознавая себя ответственной за судьбы страны, пыталась повлиять на народ с целью изменить власть. По мнению А. Д. Бородай, десталинизация общественной жизни в 1950-е гг. и процессы демократизации в стране сформировали новое поколение художественной интеллигенции, сумевшей не только сохранить идею преобразования общества на демократических началах в период застоя, но и реализовать ее в годы перестройки: «дети оттепели» стали «отцами перестройки» [5, с. 3].

После некоторого спада исследовательской активности, наблюдавшегося в кавказоведении на рубеже 1980-х – 1990-х гг., вновь растет интерес к истории национальной интеллигенции. Проблема интеллигенции освещается в общих работах по истории науки и высшей школы, в материалах научных конференций, в юбилейных очерках, монографиях, статьях и диссертационных исследованиях по истории общественно-политической мысли народов Северного Кавказа, предпринимаются первые попытки историографического анализа темы [11; 13; 16; 19; 21; 22; 24; 29; 31; 35].

Серьезным шагом в осмыслении истории национальной интеллигенции и общественно-политической мысли на Северном Кавказе, рассматриваемой в контексте модернизирующих реформ второй половины XIX в., являются исследования С. А. Айларовой [1; 2]. Для автора крайне важна характеристика не только интеллектуальной, но и нравственной, гражданской позиции северокавказской интеллигенции. По ее мнению, не только европейская образованность, но прежде всего активно отвоёвываемая причастность к решению социально-культурных задач и проблем общественного масштаба, «обусловленная не “положением” и местом в иерархии правящей власти, а свободным размышлением и искренней озабоченностью судьбами края, оказавшегося на трудном историческом перекрестке самобытного и всемирного... и фиксировала собственно принадлежность к северокавказской интеллигенции» [1, с. 8-9].

В плане методологического осмысления истории северокавказской интеллигенции плодотворной, на наш взгляд, является идея о ее бикультурности. Сформировавшаяся в русле русской и европейской культур и сохранившая при этом национальную самобытность, северокавказская интеллигенция, как отмечает

исследователь, «раньше других социальных сил осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно “стоявшим в стороне от истории”, вхождение в “большой мир”». Бикультурность, согласно суждению автора, формировала мысль, более подвижную, не скованную предрассудками традиционной нормы и эмансипированную контактом с русской культурой. Именно благодаря своей бикультурности северокавказская интеллигенция оказалась способной формировать культуру, которая «не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов» [Там же, с. 9].

Сегодня история формирования интеллигенции народов Северного Кавказа остается одним из наиболее разрабатываемых направлений в историческом кавказоведении. Причем если в 1950-1980-е гг. анализировались главным образом количественные и структурные параметры интеллигенции, то в настоящее время предпринимаются попытки комплексного подхода к пониманию национальной интеллигенции. На первый план выходит осмысление нравственно-этических аспектов проблемы, вопросов преемственности. Так, по мнению И. С. Бичиевой, интеллигенция не только интеллектуально развитая часть общества, имеющая определенные культурные и этико-нравственные характеристики, но и общественная группа, характеризующаяся устойчивой преемственностью. В русле этого рассуждения кабардинские просветители рассматриваются ею как первооснова, на базе которой формировалась интеллигенция как качественно новое социокультурное явление в жизни кабардинского народа [3].

Совершенно иначе трактуется проблема создания кадров интеллигенции в Кабардино-Балкарии в коллективной монографии «Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы». В ней утверждается мысль о том, что уничтожение старой интеллигенции в ходе политических репрессий вовсе не сопровождалось созданием новой, «если не считать таковой полуобразованную прослойку “пламенных агитаторов и пропагандистов”». По их мнению, тоталитарная система в принципе не формирует подлинную интеллигенцию, «готовят лишь специалистов узкого профиля в строгом соответствии с утилитарными потребностями бюрократического аппарата, определенных отраслей хозяйства, армии и т.д.» [4, с. 57].

Разграничение понятий «специалист» и «интеллигент», на наш взгляд, вполне закономерно при определении сущностных характеристик, в частности, интеллигенции. Однако категоричность позиции авторов, отрицающих существование подлинной интеллигенции (в противовес «гнилой» интеллигенции), вызывает возражения.

Действительно, утилитарно-прагматический подход к организации научно-образовательного пространства, к формированию профессиональных кадров специалистов для общественного производства являлся отличительной чертой советской культурной политики, реализовывавшейся на региональном и национальном уровне, что особенно отчетливо проявлялось в научной сфере. В этом смысле вполне убедительной представляется позиция Е. В. Васильевой, исследовавшей историю научной интеллигенции Дальнего Востока 1960-1980-х гг.

Автор обосновывает мысль о том, что в этот период в дополнение к естественной неоднородности научной интеллигенции, что было обусловлено уровнем квалификации, профессиональным делением, половозрастными характеристиками, психофизиологическими и другими особенностями, формируется искусственная неоднородность как следствие господствовавшей научной политики. Е. В. Васильева полагает, что научная интеллигенция Дальнего Востока с самого появления своего в регионе была обречена на утилитарно-прикладную деятельность, территориально и предметно строго ограниченную [7, с. 4].

Данная оценка одного из региональных «отрядов» интеллигенции, характеризующая место, занимаемое им не только в науке, но и в обществе, представляется нам применимой при характеристике других региональных и национальных категорий научной интеллигенции. Анализ принципов организации научной деятельности на местном уровне свидетельствует о жесткой плановости и идеологической ограниченности научного поиска, о запрете на определенные исследовательские направления во всех отраслях науки. В силу системных изъянов в организации науки многие научные проекты оставались нереализованными. Кроме того, однобокость милитаризованной советской экономики обуславливала преобладание приоритетных оборонных отраслей науки и их кадров в стране. В этой связи приходится признать, что научная интеллигенция в национальных регионах ни в научно-техническом плане, ни в позиционировании социальной роли не имела реальных возможностей находиться на «передовых рубежах» советской и мировой науки [34, с. 212].

Вместе с тем региональная, в том числе национальная, интеллигенция не расценивалась только как инструмент для исполнения конкретных узкопрофессиональных функций. На протяжении всех послевоенных десятилетий Советская власть, учитывая высокий духовно-нравственный потенциал интеллигенции, ее влияние на развитие духовной культуры и роль в формировании мировоззренческих установок в обществе, последовательно оформляла диалоговые основы взаимодействия и сотрудничества. Используя различные рычаги воздействия, она создавала совершенно лояльный по отношению к политической системе интеллектуальный, профессиональный слой общества, представлявший устойчивую социальную базу для осуществления социально-экономических, политических и культурных целей государства в национальных регионах.

В то же время крайне важным признаком интеллигенции в исследуемый период является поколенческое воспроизводство ее «подлинной» части, представляющей нравственные, гуманистические основы мировоззрения. И терминологическое определение этого факта необходимо в настоящее время вне связи с альтернативами классового подхода. Поскольку «подлинная интеллигенция» имела значительно больше надклассовых функций и национальных смыслов своего существования, чем вульгарно-классовая идентификация людей «с портфелем и в очках», к которым равно причислялось новое общественное явление, названное в научно-популярной литературе «образованчеством».

Неслучайно в 1990-е – начале 2000-х гг. существенное внимание в региональной историографии начинает уделяться одной из наиболее болезненных тем советской эпохи – истории политических репрессий. В работах общего и специального характера, посвященных вопросам национально-культурного строительства в республиках и областях Северного Кавказа в 1920-х – 1950-х гг., находит освещение история функционирования «репрессивной машины», перемалывавшей не только старую интеллигенцию, но и расправлявшейся с теми немногочисленными национальными кадрами научной и творческой интеллигенции, партийно-советской бюрократии, которые сформировались в годы Советской власти. Национальной интеллигенции Северного Кавказа был нанесен огромный невосполнимый урон, который еще более усугубился войной [8; 30]. Поэтому вполне обоснована звучащая в литературе мысль о том, что в послевоенный период фактически заново началась работа по воспитанию национальной интеллигенции в национальных автономиях Северного Кавказа [35, с. 120].

Постановка в северокавказской историографии рассмотренных нами вопросов свидетельствует о заметном расширении проблемно-хронологического диапазона конкретно-исторических исследований. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что исследовательский интерес преимущественно акцентируется на проблеме формирования национальных кадров советской интеллигенции. Причем хронологические рамки исследования чаще всего ограничиваются 1920-1930-ми гг., в то время как послевоенная история интеллигенции отражена в научной литературе в гораздо меньшей степени. Некоторые аспекты этой темы, в частности проблема эволюции и социокультурной идентификации северокавказской интеллигенции в контексте советской государственной политики, ее нравственно-этических воззрений, общественно-политической и социально-профессиональной деятельности, динамики взаимоотношений с властью, остаются пока еще малоизученными, что диктует необходимость дальнейшей разработки этой проблемы.

Список литературы

1. **Айларова С. А.** Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XX в. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2002. 212 с.
2. **Айларова С. А.** Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2003. 365 с.
3. **Бичиева И. С.** Кабардинская интеллигенция конца XIX – начала XX в. Нальчик: НлФ КрУ МВД России, 2009. 131 с.
4. **Боров А. Х., Думанов Х. М., Кажаров В. Х.** Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 183 с.
5. **Бородай А. Д.** Формирование кадров художественной культуры: вопросы теории, историографии и источниковедения. М.: Нац. ин-т бизнеса, 1999. 87 с.
6. **Будник Г. А.** Советская школа и интеллигенция: советский воспитательный и образовательный эксперимент 1945-1985 гг. (на материалах Центрального р-на России). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. 249 с.
7. **Васильева Е. В.** Научная интеллигенция Дальнего Востока (1960-е – середина 1980-х гг.). Владивосток: Дальнаука, 1993. 188 с.
8. **Гаппоев Т. Т., Тотоев Ф. В.** Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти политических жертв политических репрессий РСФСР – Алания. Владикавказ: Иростон, 2000. Т. 1. С. 43-49.
9. **Гасанова А. И.** Подготовка женских кадров в Дагестане и их роль в хозяйственном и культурном развитии республики (1945-1965 гг.). Махачкала: ДагФАН СССР, 1969. 183 с.
10. **Герандоков М. Х., Герандокова В. З.** Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 199 с.
11. **Гобети З. Б.** Культурное развитие Северной Осетии в 20-30-е годы XX века: автореф. дисс. ... к.и.н. Владикавказ, 2009. 22 с.
12. **Дедегкаев С. Т.** Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии: отдельный оттиск из «Известий Северо-Осетинского НИИ». Орджоникидзе, 1957. Т. 19. 26 с.
13. **Драч Г. В., Корыгина М. А.** Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 19-22.
14. **Зак Л. М.** Проблема формирования советской интеллигенции в современной историографии // История СССР. 1968. № 2. С. 148-156.
15. **Зезина М. Р.** Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-1960-е гг. М.: Диалог-МГУ, 1999. 396 с.
16. **Земля адыгов** / под ред. А. Х. Шеуджена. Майкоп: Аякс, 2004. 216 с.
17. **Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС.** М.: Наука, 1978. Вып. 1. Советский период. 343 с.
18. **Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность:** материалы XX международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 24-26 сентября 2009 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2009. 393 с.
19. **Интеллигенция России в истории Северного Кавказа:** материалы межрегиональной научной конференции (октябрь 1999 г.). Ставрополь: Изд-во Ставропольск. гос. ун-та, 2000. 322 с.
20. **Историография культуры и интеллигенции Советской Сибири.** Новосибирск: Наука, 1978. 348 с.
21. **Кавказоведение: опыт исследований:** материалы международной научной конференции (г. Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ: Издат.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева, 2006. 480 с.
22. **Каймаразов Г. Ш.** Интеллигенция Северного Кавказа в 60-70-е годы XX века (по материалам автономных республик региона). Махачкала: ИП Овчинников, 2010. 159 с.
23. **Каймаразов Г. Ш.** Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М.: Наука, 1988. 332 с.
24. **Калинченко С. Б.** Из истории науки на Северном Кавказе: научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь: РИО филиала МГОПУ им. М. А. Шолохова в г. Ставрополе; Ставрополь-сервисшкола, 2006. 120 с.
25. **Мамсиров Х. Б.** Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX века (по материалам Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик: Эльбрус, 2004. 328 с.

26. Меметов В. С. Интеллигенция: вопросы теории и методологии. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2010. 379 с.
27. Олейник О. Ю. Советская интеллигенция в 30-е годы: теоретико-методологический и историографический аспекты. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1997. 168 с.
28. Ответственность интеллигенции в контексте времени: материалы XXIII международной научно-теоретической конференции (г. Иваново, 27-29 сентября 2012 г.). Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. 239 с.
29. Ошров Р. Г. Становление и развитие университетского образования: автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2004. 27 с.
30. Репрессированные этнографы. М.: Восточ. литература (РАН), 2002. Вып. 1. 340 с.
31. Стрекалова Е. Н. Национальная интеллигенция Северного Кавказа в контексте государственной политики в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25). Ч. 2. С. 177-181.
32. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция: из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: Наука, 1972. 472 с.
33. Хачиров А. К. О формировании советской интеллигенции. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 92 с.
34. Цориева И. Т. Проблема восстановления и развития кадрового потенциала советской науки во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. (по материалам Северной Осетии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 3. С. 209-212.
35. Шамеев А. М. Историография проблемы формирования интеллигенции на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии) // Вестник СОГУ. Общественные науки. 2011. № 3. С. 115-120.
36. Шеуджен Э. А. Советская историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1983. 139 с.
37. Эфендиев А. К. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала: ДагФАН СССР, 1960. 154 с.

**NORTH CAUCASUS INTELLIGENTSIA IN HISTORIOGRAPHY
OF THE SECOND HALF OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY
(BY THE MATERIALS OF DAGESTAN, KABARDINO-BALKARIA AND NORTH OSSETIA)**

Tsorieva Inga Totrazovna, Ph. D. in History, Associate Professor

*Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia – Alaniya
tsorin@mail.ru*

The author presents the history of the study of North Caucasus national republics intelligentsia in the second half of the XXth – the beginning of the XXIst century, mentions the difference in the approaches to understanding the problem during the soviet and post-soviet periods, comes to the conclusion about the expansion of specific historical researches subject-matter, and reveals the problematic aspects, in particular the questions of the evolution and social-cultural identification of national intelligentsia, the dynamics of its relationships with the government, demanding historiographical interpretation.

Key words and phrases: intelligentsia historiography; domestic historiography; regional historiography; soviet intelligentsia; national cadres of intelligentsia; North Caucasus.

УДК 101.1; 323.28; 343.326

Философские науки

В данной статье с позиций историко-философского подхода автором рассматриваются основные этапы развития такого сложного социально-политического явления, каким является современный терроризм. Выделяются и описываются характерные особенности, присущие терроризму в разные исторические эпохи. Делается вывод о том, что терроризм возник в античности. Автор анализирует исторические пути становления терроризма и предлагает собственную классификацию этапов его эволюции.

Ключевые слова и фразы: терроризм; террор; генезис; античность; Великая французская революция; Вторая мировая война.

Чеботарев Владимир Владимирович

*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
chebotarev62@mail.ru*

**ТЕРРОРИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНОЕ ЯВЛЕНИЕ
(ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)[©]**

В конце XX – начале XXI века терроризм стал одной из наиболее серьезных угроз общественной безопасности. Это явление не случайно: оно детерминировано рядом объективных и субъективных факторов развития мировой и национальных систем. Социальное отчуждение, поляризация стран на богатые и бедные, насаждение